

18+
ЯРОСЛАВ СОЛОНИН

Хостел

Ярослав Солонин

Хостел

«Издательские решения»

Солонин Я.

Хостел / Я. Солонин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Поляков поневоле становится звездой интернета.
Всё ради любви. Но нужно победить трэш-блогера Адского Пса, проклятие
хостела и дух Венички. Устроившись в таблоид «Кайф», он попадает
в жесткую передрагу. В теневой Москве он встречает Тиамат. Герою
предстоит битва с демонами, иначе — вечное заточение. Как сказал герой
книги Паша Слесарь: «Ну, блин... че». Книга содержит нецензурную брань.

© Солонин Я.

© Издательские решения

Содержание

Ярослав Солонин	6
ХОСТЕЛ	7
Доспехи изнасились	7
Бывшая	10
Очищение	12
Страх, стыд и смятение	16
Перемена участи	20
Gluggavedur	23
Герои видеосалонов	25
Постояльцы	27
Бомжи	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Хостел

Ярослав Солонин

© Ярослав Солонин, 2026

ISBN 978-5-0071-2552-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ярослав Солонин

ХОСТЕЛ

Доспехи изнасились

Первые буквы на чистом листе — как заезд на новое место. В первых числах августа восемнадцатого года я напоминал себе бомжа. Высунуть нос из своего захламлённого в большой свет — батюшки мои! Футболка прилипла к телу, носки приходилось каждый день покупать в Фикс Прайсе, потому что обувь провоняла насквозь. Я приходил к Таиру поздно вечером, чтобы переночевать. Душ не спасал, потому что опять же, футболка была одна, рубашка тоже, и сколько бы я ни мылся, сколько бы ни натирался гелем для душа, к середине дня вонь возвращалась. Я, двадцатисемилетний юноша Никита Поляков, уже не мог понять — чудится мне, или правда от меня несёт. Так бывает, когда долго керосинишь, а потом даже на третий день думаешь — можно ли пойти встретиться с подружкой, или мои поры до сих пор выделяют спирт, а изо рта разит как из бочки с испортившимся вином, а то и вовсе — ацетоном. Днём нужно было работать в офисе, среди растатуированных хипстеров, соблазнительных девушек, молодого начальства и иногда заглядывающих звёздных гостей. Редакция крупнейшего таблоида «Кайф». Неделю назад я переехал в этот город, получив сигнал, что меня приняли на работу, и теперь работал на благо жёлтой публицистики. Скандалы, интриги, чушь о тарелках, политика, точнее всякие сплетни и пиар. И ничего такого, чтобы действительно было важно. Только пена с волн человеческих страстей.

Проблема в том, что «Кайф» был не в кайф. Но выбирать не приходилось. В ожидании обещанного звонка из киностудии «Белый свет», который должен был меня спасти, я промотался до копы, до трёх просроченных кредиток, меня изгнали из предыдущей квартиры, и так я оказался на Речном вокзале. Предложение из «Кайфа» стало компромиссом, спасительной соломинкой, авантюрой с неясными последствиями. Ладно. В столице на одну мечту не проживёшь. «Кайф» так «Кайф».

Ну и этот переходный статус в чем-то соответствовал моей авантюрной, ветреной натуре. Такой вот коктейль: бомжацкая одежда, новенький штатный макбук для работы, сэндвич с сёмгой из автомата, кофе нахаляву, офис в центре столицы, койко-место в районе Речного вокзала в комнате с двухметровым киргизским актёром из «Бумера-2». Ещё остатки былой роскоши — духи живаньши, которыми я себя каждое утро поливал. Первую зарплату мне должны были перечислить со дня на день, но у них там случились какие-то проволочки.

Все мои притязания на роль жителя киноолимпа смотрелись жалко на фоне актуальной задачи разжиться новыми шмотками. Таир дал поносить вельветовый пиджак, который, по его словам, участвовал в съёмках фильма про казахских стилистов. В таких доспехах мне очень жарко, в августе-то! Но этот стилистский реквизит отлично выступал в роли саркофага для едких испарений.

К тому же в секунду я приобрёл себе футболку. Бренд квиксильвер — в меру манерная, в меру пацанская — как раз столичный стиль. Ха! Да я бы в ней и в Нью-Йорке за своего сошел, в кругах какой-нибудь вшивой богемы. Пожалуй, это моё «одно из семи чудес секунд-хенда»: цвета лайм или шартрез. На принте — некий тип, смахивающий на Уорхола, но не Уорхол, очки у него розовые. Чёрный, лайм, розовый цвета. Всё супер, но доспехи изнасились, и это причиняло дичайший дискомфорт и

мне, и, подозреваю, окружающим. Поляков выглядел подозрительно, а пах и того подозрительнее.

Значит, задачи на ближайшее время: разжиться шмотками, затем сходить в парикмахерскую, затем... Нет! Сначала — за очками или новыми линзами. К середине дня мои трёхмесячной давности линзы настолько натирали глаза, что я не то что на монитор, на свет белый смотреть не мог. Белокурая сотрудница Яна из соседнего отдела, сидящая напротив через перегородку, делилась «Визином», что немного облегчало мои муки. И всё-таки факт: старые линзы отражаются на фокусировке, также делают тебя подозрительным — с красными-то белками глаз, и, как следствие, снижают боеспособность на ровном месте.

Итак. Просыпаясь с утренними пташками, я чувствовал себя терминатором, голым и обременённым миссией, которому предстояло добыть всё заново: «одежду, очки, мотоцикл, дробовик».

Таир делал свои утренние упражнения, и я вместе с ним. Спорт приносил хоть какое-то облегчение. Голова освобождалась от лишнего груза, тело приобретало силу, пластичность и подвижность, а значит, я мог снова с достоинством вступить в бой с очередным днём, и, если повезёт, положить его на лопатки.

В пятницу я рискнул. Накануне мне перечислили гонорар, я сразу же купил новые линзы, внедрил их куда следует. На следующий день, в перерыве, пошёл за новыми кроссовками. Славный магазинчик «Смешные цены». Продавщица-узбечка спросила почему-то: «Вы где работаете? Доставщиком, наверное?». Да, сейчас почти все работают доставщиками. Покачал головой, сказав, что я режиссёр. Это её смутило, а мне лишь добавило стыда. Ну, с одной стороны, кто она мне такая, с другой — ну какой из меня режиссёр?

Но деньги — это хорошо. Я так мыслю, бабки — это патроны в битве с действительностью за свою реальность. Так что мой персонаж немного вырос и по показателям здоровья, и по показателям защиты. Чтобы унять свою паранойю, я также приобрёл газовый баллончик. На московских изогнутых улицах чтоб не пропасть зазря.

Теперь можно и поесть. Что взять? Я колебался между сэндвичем с сёмгой из автомата и фалафелем из мастеровитых рук среднеазиатских поваров ресторана «Бухара», что располагался в двадцати шагах от «Кайфа». Сэндвич с сёмгой уже ассоциировался с рутинной, поэтому я выбрал фалафель.

Так что да, жизнь налаживалась. Но конфуз всё-таки не заставил себя ждать. Почему я сразу не переобулся на улице, и не выкинул свои старые вонючие кроссовки, а сделал это на работе — в сортире, поставив зловонную обувь в шкафчик для переодевания. И когда я зашёл в полдень на кухню, то обнаружил, что многие из офисных девиц принимают к чему-то подозрительному, смутно напоминающему горчичный газ. Я тоже принимался, и учуял свои токсичные кроссовки. Виду не подал. Это как «пустить шептунку» в маршрутке, а потом с невинным видом, нет — с видом оскорблённой добродетели возмущаться: «Ай-ай, а кто это сделал? Безо-бра-зие!».

— Кажется, что-то с системой вентиляции, девчонки...

— Думаешь?! — засомневалась брюнетка Ира, работающая администратором, — по-моему, это холодильник. Точно! Сегодня же день уборки холодильника, наверняка там что-то затухло.

— Ну, может, ладно, пойду я работать, девчонки.

И пошел, вальсируя, с кофейком до макбука.

Потом вызвали уборщицу, и вонь утихла. Вечером, когда почти все ушли, я заглянул в шкафчик. Кроссовки лежали в двойном пакете, обмотанном скотчем. На

них не хватало знака радиации. Я вышел из офисного здания, неся двумя пальцами пакет с отработанным ядерным топливом, и, озираясь, швырнул их в самую пустую и глубокую помойку. Небо было чистое, звёздное. И тут я рассмеялся, и запел «Грязные потные рваные вонючие носки!».

Бывшая

Не стоит, конечно, преувеличивать мою независимость. Вопрос с жильем и деньгами не так сложно решить. Проблема одиночества стояла намного острее. Я был обременен тоской по бывшей. Все прочие атрибуты обитателя захолустья, нырнувшего в большой свет, были одновременно и вторичными, и скорее усугубляющими моментами. К двадцати семи годам я снова превратился в озабоченного щенка. И пока я не оказался на Речном вокзале, запертый в одном пространстве с безработным актёром, я как мог давал волю своему либидо. Беда была в том, что я до сих пор хотел бывшую, и о приставании к другим как-то вопрос отпадал сам собой. Нужно было разорвать эту порочную связь. По вечерам я доставал свой побитый жизнью ноутбук, и сублимировал, фантазировал, набрасывал личную любовную драму:

«Любая чувственная строка отдавалась болью от её отсутствия. Тем не менее, я животное, и член мой тверд, он твёрд и горяч, джинсы внатяг. Приятно себя гладить. Это прекрасное чувство пульсирующей в тебе жизни, производящейся спермы, которая в любой миг готова влиться в место, по-настоящему пахнущее жизнью...»

Таир был всегда где-то недалеко, и, безмерно любопытствуя, норовил заглянуть, что я там пишу.

— Колись давай, что там? Сценарий? Мне роль там будет?

— Вряд ли.

— Ну, блин, так нечестно.

— Ладно, может и будет, только сейчас нельзя смотреть.

И я продолжал:

«Как я хотел в этот миг быть простым нормальным мужиком, четко понимающим свои функции. Без этих всех творческих амбиций и издерганности. Сию же секунду залить свою жизнь в свою любимую самку, носить ей в клювике еду, ждать малыша, наблюдать, как растет животик, как он округляется, как там в животике стучит.

Даже смешно, что когда-то я называл себя чайльд-фри. Да, конечно, природа нас ловит на это. Она использует нас в своих целях. Геном огромен и непостижим, мы просто материал, которому на время дается возможность произвести другой материал.

Я никогда не пойму, как это великий сказочник Ганс Христиан Андерсон никогда не трахался?! Как Гоголь избегал женщин?! Они писали великие и страшные вещи. Гоголь, говорят, был заядлым онанистом и один из первых в Петербурге обладал резиновой куклой, может он ее привез из Рима вместе со спагетти...».

Я отложил ноутбук, и задумался, чего действительно хочу. Хочу, чтобы поскорее пришло мне приглашение из киностудии «Белый свет». Заработать первый миллион. Обрести уверенность в себе. Это дело тоже пошатнулось. В очередной раз, когда мы с ней ругались, она выдала: «Да ни хрена из тебя путного не выйдет!». Сама она ведь тоже метила в кино. Ладно, забыли.

Значит, так. Снова влюбиться. О возвращении к бывшей не могло быть и речи, в конце концов, к такому полубомжовскому состоянию я пришел отчасти благодаря её несносному характеру.

Таир погасил свет.

— Рота, отбой.

Такие у него приколы.

И всё-таки я на полном серьёзе достал телефон, накрылся одеялом, зашел на её страницу, убедился, что нахожусь у неё в чёрном списке. Чего хотел и чего ждал? Слава богу, что заблокировала.

Очищение

Чтобы жизнь пошла на лад, важно провести процедуру ритуального очищения. Избавиться от старого — от физического и ментального хлама. От всего того, что держало меня, не давая двигаться дальше. А затем я расширю свой гардероб. И пусть киностудия «Белый свет» молчит, я пока поработаю художником по костюмам в своём собственном фильме под названием «жизнь».

С кроссовками из «Дешёвых цен» я выглядел как сельский модник, но главное — соблюдалось какое-то важное равновесие. Всегда нужно балансировать между бомжом и денди, как завещал Серж Генсбур. Теперь нужен ритуал очищения. Священным огнём и огненной водой. Нужно только выбрать святое место. Да, мне нужен свой собственный ритуал и место для паломничества. И это будут Петушки! Веничка — пророк замызганных ханыг, цитирующих наизусть всякие невозможные священные писания и кир-кир-киркегоров, в невыносимый предутренний час быка, сопровождающим с безмолвием алкомаркетов, чувствующих себя блохами на лобке Вселенной. Тут надо уточнить, что этот способ бегства я усвоил за время двухлетнего романа с бывшей. Когда я убегал от неё, пускался во все тяжкие, и где только не просыпался. Хорошо, что просыпался. И хорошо, что однажды проснулся у Таира, и начал собирать свою жизнь заново по кусочкам.

Я вскочил необыкновенно рано даже для Таира и для утренних пташек. Киргизский актёр сонно потирал глаза: «Сэгодня же суббота». Я, запрыгивая в штаны, пробормотал что-то вроде: «Надо». Таир понял спешку по-своему: «А, к девушке поедешь, это правильно». Эх, Таир, твои бы слова да в богу в уши. Но мне для начала бы влюбиться. Накануне вечером он мне много рассказывал про девушек. Про то, как обломалась роль, в которой он должен был спасти обнажённую блондинку. Это фильм про Байконур, а блондинку играла немецкая суперзвезда.

Моя бывшая была блондинкой, и из-за этого мои мозги прилично так своротило. Про блондинок у меня много вопросов. Есть ли в Китае блондинки? Правда ли, что 99 процентов блондинок — крашеные, и только один процент — натуральные, правда ли, что блондинки равнодушны к сексу, и только делают вид, что он им небезразличен? А, нет, на последний вопрос я могу ответить. Мнение было высказано искушенным знакомым, который старше меня на семнадцать. Но и я искушён, и самый лучший секс у меня был именно с блондинкой, с моей бывшей. На это она меня и поймала. Впрочем, как и я её. Ну а сейчас новый день, и пора смахнуть с себя остатки сна вместе с эротическими наваждениями, с вкраплениями дебильного трёпа, как у бивиса с батт-хэдом. Таких дэбилов-переростков.

Я уже оделся, а Таир по памяти выдавал реплики из «Пролетая над гнездом кукушки».

Кто бы ни вошел в дверь, это всегда не тот, кого хотелось бы видеть, но надежда остается.

Знаешь, чем меня сразу удивила ваша больница? Тем, что никто не смеется. С тех пор, как я перешагнул порог, я ни разу не слышал нормального смеха, ты понял? Кто смеяться разучился, тот опору потерял.

По-настоящему сильным до тех пор не будешь, пока не научишься видеть во всем смешную сторону. Он знает: надо смеяться над тем, что тебя мучит, иначе не сохранишь равновесия, иначе мир сведет тебя с ума.

На этом месте он остановился.

— Моя давняя мечта — сыграть Вождя. Я такой же большой и такой же кроткий, а актёрская стезя — для наглых. Я закаляюсь потихоньку, я обливаюсь холодной водой, я стал как мрамор, нет, как гранит, я приду туда снова духовно и физически закалённый, как тот американский актер, денди Люис или как его, не помню точно.

— Знаю.

Я не сказал ему, что мы с бывшей как-то битый час обсуждали лучшие работы этого актёра. Ну какого черта всё напоминает о ней?

— Так вот, чтобы сыграть сапожника, он несколько лет им проработал, чтобы стать модельером — он прошёл школу модельеров и сам сшил несколько вещей. Крутых вещей. А они меня не взяли в «Ёлки». Но знаешь, я ведь должен был играть водителя из Казахстана, причём пьяного таксиста. Наверняка я схалтурил, нет, надо было мне серьёзно к вопросу подойти, как тот британский денди. Нет, не в смысле устраиваться в такси, напиваться и всё такое. Надо было как-нибудь найти такси, где водитель — казах, да поговорить с ним. А ведь мне ещё надо было петь в кадре. Я не знаю казахских песен...».

Я вышел на улицу, и пряная осенняя прохлада двора обняла меня. Иногда достаточно выйти на свежий воздух, чтобы настроение резко взлетело. Недавно прошёл дождь, прибил пыль, что немаловажно для пилигрима. Сегодня важный день, сегодня пролегает тонкая граница между старой жизнью и новой. Первым делом я разжился в бутике брендовой рубашкой от ренома и джинсами от кэлвин кляйн. Кэлвин в кляре. Пускай небесные цензоры, в которых я то ли верю, а то ли — нет, видят, что я не жадный, если это нужно для дела.

Сегодня можно я поеду, куда глаза глядят, но в какой-то момент надо будет тормознуть. Иначе новый условный лимузин превратится в гнилую тыкву. Я поехал на Курский вокзал, и купил билет. Ближайший поезд на «Петушки» уже умчался, а новый только через полтора часа. Как раз открылись магазины. Я потащился в ближайший маркет, и вместо того, чтобы купить водки или зубровки, утащил баттл розового клубничного джина объёмом ноль-семь. Просто расстегнул рюкзак, и кинул туда фирменное пойло. Внутренний голос подсказывал, что можно наглеть, и через некоторое время в чрево прожорливой сумки полетела бутылка с тоником. Затем, для равновесия, я купил четвертинку коньяка Кёнигсберг и фирменную 0,33 пепси. Можно ли назвать поступки героя логичными и последовательными? — Отнюдь. Но внутренний зов сильнее. Сказывались привычки безденежной поры.

И эта зараза преследовала меня как алкоголизм. Шоплифтинг. Начавшись много лет назад как прикол, она переросла в застарелую привычку. Бывало так, что даже будучи при деньгах, я заходил в магазин и что-нибудь брал «для души». Но сегодня, в такой-то день, когда так важно покончить со всем старым, нужно быть поосмотрительнее.

Затем, по старой памяти, заглянул в КэЭфСи выпить стаканчик «Сибирской короны» и съесть одну их шаурму в картонной упаковке. Интересное дело. Некоторое время назад, когда кентукки фрайд чикен ещё не мозолили так глаза, мне их шаурма под названием «твистер» мнилась вершиной кулинарии, да и разливная «сибирка» амброзией разливалась по пищеводу. Теперь меня ждало разочарование: твистер отдавал кислым-прекислым майонезом, пиво оказалось слишком газированным и безвкусным, от всего этого в желудке образовалась тяжесть, которая несколько прибила восторг пилигрима. Я скорее вышел на солнышко, и более-менее пришёл к балансу.

Оглянулся окрест. Вокруг — жизнь. Вот бомж спит на лавочке рядом с памятником Веничке, ему хорошо. Вот торговец наушниками. Они свисают почти до брусчатки разноцветной косой, как у девушки-растаманки. На другую руку коробейника накручены зарядки, штекеры торчат как щупальца киберпанковского монстра.

— Всё по сто рублей! Берём, не стесняемся.

Сотня — сакральное число. Вот лоточник с книгами. Они тоже по сто рублей. Привлекает мое внимание стопка книг серии «Русский спецназ».

«Темный дракон Донбасса», «Час Крыма», «Ночной нарушитель», «Конец „Сатурна“», «Девятый», «Неудача Бурдукова», «Зов чести», «Зашифрованный план», «Последнее плавание», «Небожители», «Он же капрал Вудсток», «Мститель Донбасса», «Крымский щит», «Путь в „Сатурн“», «Воин империи», «На линии огня», «Зов чести».

На лотке книги вперемешку. Есть книжка под названием «Размышления современных писателей о 1917 годе».

К кашляющему торговцу, еле передвигаясь, как поломанный, но не сломленный механизм, подошёл, на еле гнущихся ногах, дед, опирающийся на палку.

Торгаш захрипел:

— Анчихрист, Анчихрист пожаловал, с кофе идёт, гляньте-ка!

Поломанный Анчихрист пробурчал что-то в ответ: *«Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть»*.

Но даже это неправдоподобно прозвучало, мне претит подобный псевдомистический пафос. Пусть это лучше будет старым-добрым слуховым глюком. Смотреть на старую плоть утомительно, слушать это жутко. Если это не рассуждения про то, что мне (кому?) следует претерпеть, то в любом случае малоприятные харкающе-пыхтящие звуки. Реплики, настраивающие на размышления о вечном.

Мне же сейчас хотелось цепляться за жизнь в самых её прекрасных проявлениях. Огляделся по сторонам, и узрел голоногую блондинку с татуировками на обеих икрах, в кожанке, с ней стоял какой-то маловозрастный хмырь. Совсем ей не по рангу. Такой прыщавый и неопрятный, кажется, косноязычный. Ложка дёгтя в бочке мёда. А ещё она напоминала... нет уж, к чёрту!

Стоял я на этой площади, и думал, что я буду делать один в этом мире. Я один, сам по себе, и надолго ли хватит сил сопротивляться всюю тянущему свои щупальца хаосу? Я уже чувствую его запах.

Обернулся. Я не заметил, как ко мне подошёл бомж. Боже ты мой! На мне новая рубашка, новые джинсы. Я избавился от токсичных кроссовок. Оросил себя благословенной водой живаньши. Что ещё нужно этому миру хаоса от меня? Ну, конечно, в рюкзаке, помимо украденного джина и тоника, лежали старые дырявые брюки, страницы забракованного сценария, наброски моей повести о бывшей, её фотографии, её подарки, футболка квиксильвер цвета лайм с розовым псевдоуорхолом. Чёрт! А ведь её мы вместе с бывшей покупали. Её я тоже, безусловно, намеревался принести в жертву священному огню. И что же теперь?

Ко мне подошёл бомж. Бомж неправдоподобно прошловековой, весь в струпях, один глаз покрыт коростой. От него несло застарелой мочой, он мычал что-то совсем неразборчивое, и на этот раз я не рискнул попытаться разглядеть в этом потоке звуков слова и на каком языке. Боже! Слово «язык» приобрело совсем зловеще-двусмысленный оттенок, когда я обнаружил, что у бомжа нет языка. Он упрямо смотрел на меня и мычал, напоминая мне мотылька, упорно бьющегося о горячую лампочку или огонь свечи. Мотыля-бычка, плод воображения больного скульптора. Или персонажа какой-то совсем древней, быть может — дочеловеческой, мифологии.

Я порылся в кармане, нашёл «десятку» и вложил ему в ладонь. Бомж единственным глазом посмотрел на монету, высморкался в ладонь, вытер руку о свои лохмотья, а потом швырнул куда-то десятку. Затем снова пошёл ко мне. Тут я по-настоящему испугался. Предпочел скрыться в толпе. Когда там мой поезд уже? Оставалось ещё тридцать минут. Надо пойти в туалет и избавиться от лишних мыслей и жидкости. По привычке двинул в KFC, но обнаружил, что там нет туалетных кабинок. Я спросил у персонала, и мне показали вверх. Этот жест внезапно перенёс меня в далёкое детство.

[ФЛЭШБЕК]

Мы познакомились с самым лучшим моим другом, когда нам было лет по шесть. Я имел обыкновение тусить в соседнем дворе, а не в своём. Вечно эта история — склонность к перемене мест и прочее. Я качался на качелях, подошёл он, и мы, как бывает в этом возрасте, быстро подружились. Помню, что в восторге дружбы я стукнулся головой о железный столб, и у меня пошла кровь. Это была всего лишь содранная кожа, но мне казалось, что вытекают мозги. Я боялся, что они вытекут без остатка, и тогда я умру. Но кровь остановилась, и мы пошли играть в приставку ко мне. Короче, обменялись картриджами. Я дал ему поиграть картридж громилы из-соседнего-подъезда с «Бэтменом» и «Терминатором», а лучший мой друг дал погонять «Tіпу Тооп». Весёлая крольчатина, но временами, особенно когда проходишь замок, населённый приведениями, жутковато.

Так получилось, что через пару дней громила спросил с меня картридж обратно. Нужно было идти к самому лучшему другу, и совершать обратный обмен. Громила — здоровый малый, с ним шутки плохи. Самый лучший друг назвал номер квартиры и дома. Я положился на память.

Так вот, когда я позвонил в искомую квартиру и спросил самого лучшего друга, назвав его имя, открывший мне дверь молчаливый мужчина зловещего вида (впалые скулы, шрамы от оспин и холодного оружия, проваленные глазницы) показал жестом вверх точно так же, как это сделал услужливый персонал KFC. Это выглядело как апелляция к господу Богу, будто бы человек, производящий такой жест, расписывается в своей некомпетентности и апеллирует к высшим сферам, при этом заранее удивлён, что я и правда намерен туда идти, что не боюсь сгореть в лучах божественного света. Я поднялся этажом выше, позвонил в дверь, там стояла измученная домохозяйка с тазом в руке, с кухни тянуло кабачковой икрой.

— Вам чего?

— Мне бы... [называю его имя].

Она посмотрела на меня удивлённо, и крикнула вглубь комнаты: « [назвала его имя], к тебе пришли». Ещё раз окинула меня параноическим взглядом, и скрылась. Ко мне вышел... совершенно незнакомый мальчик того же возраста, что и мой самый лучший друг, но совершенно не похожий на него... Не знаю, почему, но мне стало жутко. И вообще я почувствовал, что это плохое место, это плохой подъезд. Когда я сбегал вниз, и первой квартиры высунулась корявая бабка, достала метлу, и хорошенько огрела меня по спине... Когда я выбежал, спина горела, будто её натёрли красным стручковым перцем. Страх, стыд и смятение. А потом я переехал в другой район, и самый лучший друг остался в прошлом. Глупо, всё так глупо в жизни моей.

[КОНЕЦ ФЛЭШБЕКА]

Страх, стыд и смятение

Страх, стыд и смятение вернулись ко мне, и нужно было поскорее от них избавиться. Платный сортир. Тридцатка с лихвой себя окупала, ведь дарила мне не только акт законного мочеиспускания, но и сеанс психоанализа. Облегченный вышел на перрон, и обнаружил там толпу. Похоже, всем нужно именно на эту электричку. Это расходилось с моими грёзами о полупустом вагоне, где можно славно выпить. Я глянул в сторону турникетов, там мой знакомый безъязыкий бомж тщетно пытался пройти, но контролёрша его тормозила и просила показать билет. Но он только мычал, он только мычал и смотрел в сторону поезда «Москва-Петушки». Отмахнувшись от наваждения, я вошёл в вагон, где было жарко и сухо, что можно сушить хлеб. Потом люди надышали, и воздух стал к тому же душным. Я обнаружил одну свободную лавку, притулившись к окну. Приготовился откупорить бутылку и снять напряжение, но тут напротив меня плюхнулись мамаша и дочка. Мамаша напоминала христианскую миссионерку из американских фильмов, она очень внимательно смотрела на меня, будто бы читала мысли, мои низменные желания, моё нестерпимое желание сделать хороший глоток алкоголя. Но пока я трезв — сделать это очень непросто, потому что я стеснялся. Я знал, что после первого глотка дела пойдут на лад. Тем временем меня ещё сильнее прижали к окну — кажется, на нашу лавку пытались уместиться ещё три человека, один из которых сам бы сошёл за троих. Ему впору в соревнованиях по сумо участвовать, а не в электричке «Москва — Петушки» штаны протирать. Я немного привстал, чтобы глянуть, свободен ли тамбур. Там на полу сидел таджик. Меня загнали в угол.

Только на станции «Серп и молот» я обнаружил, что мы едем. Так велико было моё напряжение. Плюнул на всё, и достал своё пойло. В конце концов, это фирменный джин. Сорокаградусный клубничный напиток пился на удивление легко — первый глоток самый жадный, но меня не стошнило. Слава отдушкам и ароматизаторам. Будто пьёшь особой плотности компот. Через пять я уже, в ладу с собой и с миром, не отводил глаз от миссионерки, когда она смотрела на меня, задерживал взгляд на её дочери — шестнадцатилетней пухленькой зеленоглазой девчонке, потом смотрел на своих соседей — матерящегося деда и косноязычного парня, который после каждого слова говорил: «Эт самое, ёп».

Они видели, как я кирыл, и в их глазах читалось если не одобрение, то понимание, если не понимание, то зависть. Скорее одобрение. В этот славный миг хотелось думать о людях хорошо. Любить всех. А еще вернулась вера, что скоро мне напишут из киностудии «Белый свет», и вот тогда заживём, и не придётся торчать в «Кайфе». От любви и грёз я перешёл к созерцанию. На пути к Петушкам очень много церквей — я их считал-считал, да так и сбился со счёта. Тут меня отвлекли весьма вульгарным способом.

В вагон вошла торговка и, в стиле древнего вокзального громкоговорителя, гнусаво затараторила:

— Внимание! Вашему вниманию представляется средство для удаления засоров, японская мочалка, мыльные губки, пластинка от комаров, плащи болоневые, резиновые перчатки...

Эти слова настолько впечатались в мозг, что смыть их получилось только бродячему артисту. Худосочный, пропитой, в застиранной рубашке, мужичонка исполнял на саксофоне самую известную песню из вестернов, также известна по фильму «Профессионал» с Бельмондо. Затем заиграл «Апостол Андрей» из репертуара нау-

тилусов-помпилиусов. Но вот какое дело: мужичонка оказался лжемузыкантов. Если внимательно присмотреться, игру на саксофоне он имитировал, как Селиверстов в «Такси-блюз», но делал это менее талантливо. Не все пассажиры распознали подлог, и у шоумена нашлась пара-тройка благодарных слушателей. Собрав свои монеты и бумажки, он пошел в следующий вагон. Последняя деталь, что мне бросилась в глаза: розовая татуировка в виде саксофона у него на шее. Я остался озадачен: если он имитирует игру на этом инструменте, зачем набивать на шее татуху, что, по идее символизирует его призвание. Имитация призвания? — Это уже слишком даже для хмельного мозга. И ведь приняв предложение от «Кайфа», я сам занимаюсь имитацией призвания. Набить что ли на шее киноплёнку? Печатную машинку? На время меня накрыла тоска. Зачем я вообще еду в Петушки? Веня же даже до них, если верить книге, не доехал. Еду для ритуала очищения. Вечно я придумываю какие-нибудь ритуалы, чтобы потом от них мучиться.

— Ваш билетик.

Как же я обрадовался этому вторжению. Мокрыми от жары руками пошарил по рюкзаку, нацепляя на потную ладонь крошки от чипсов и прочую дрянь.

— Вот.

— Доброго пути.

Так какое там обоснование поездке? Ах да, Петушки — символ разрыва, разорванности, чего-то недостижимого, сокровенного — того, что так близко и так далеко. Веня что делал? Вечно шлялся, вечно на ступеньках ночевал, пока его женщина добрая не приютила. Но вот это чувство, когда футболка намертво прилипла к телу, когда носки бесполезно менять, оно очень знакомо. Особенно когда оказываешься в Москве и планируешь тут как-то закрепиться. Живя на улице, по впискам, ты проживаешь за день больше жизней, чем при размеренном образе жизни. И конечно у тебя больше поводов прикладываться к бутылочке. Бутылке, пузырю, чекушке, мерзавчику, баночке. Дом, который ты носишь с собой. Праздник, который всегда с тобой. Сидишь на лавке, оказываешься в гуще толпы, и никто не догадывается, что внутри тебя тепло, что по телу разлилась нега, ты мало на что способен, кроме как растечься по древу...

Перрон окатил живительной свежестью. Я немного пришёл в чувство. Держу в уме: сжечь старую одежду на берегу Клязьмы, напиться до полного обнуления, заснуть на трубах теплотрассы. Радикально, но надо. Я сел на лавочку, через пару мгновений кто-то сел рядом. Знакомый запах. Глянул мельком, и вскочил, как током ужаленный. — Это он! Тот бомж с бельмом на глазу, которого не пропускал турникет. Бомж-Квазимодо! Он смотрел на меня, как бездомный пес. На меня, на рюкзак, на бутылку в моей руке. Особенно на бутылку.

— Хотите?

Он закивал головой, затрясся. Куда бы тебе, несчастный, налить... Он разинул пасть, как делают вороны и собаки во время жары. Слюни капали на перрон, на лавку, на его ветошь. Он мне напоминал старого бездомного пса — точно так же побито заглядывал в глаза, повиливая горбом.

Пошарил-было по рюкзаку в поисках стаканчика. Квазимодо надо угостить, но не из горла же! Парень сильно разволновался, еще немного, и слюни начнут долетать до меня! Положение спасла бутылка из-под Pepsi. Я налил туда джин и протянул бедолаге. Он обхватил бутылочку обеими руками, как ребёнок, и присосался к ней. Он не пил, а именно сосал, как стеклянную грудь. Я собрался-было встать, и тут раздался омерзительный хруст. Бомж-Квазимодо откусил сосок стеклянной груди!

Он жалобно замычал, изо рта потекла кровь. Я встал, и побежал. Не хватало, чтобы он увязался за мной! Я увидел, как он идет к тамбуру, капая слюной и кровью.

Я буквально взлетел по ступенькам на надземный переход, мимо шли девушки, они что-то обсуждали по-французски. Одна из них страшно напоминала мою бывшую, но голос другой. И говорила по-французски.

— Erofeev, Moscou sur vodka.

— Ви, — помахал я им рукой.

Они радостно загалдели что-то на своем, но я мог выхватить только отдельные слова и артикли.

Imposant... male... vodka... Alain Delon...

— Шерше ля Фам... беллемондо... жанлюкгодар...

Боже, как только «Белый свет» сделают мне предложение, я сам стану частью этого мира. Нужно будет непременно укатить в Париж.

Кажется, мы друг друга поняли. Но вот по ступенькам вслед за нами поднимался Квазимодо. Он шел и смотрел на меня, пронизывая жутью. Я показал девушкам на него:

— Опасность.

Похоже, они меня понял, а светленькая даже вцепилась в мой локоть.

— Бежим!

Мы вскочили на первый попавшийся микроавтобус. Внутри никого, кроме водилы.

— Далеко до дома Венички? — спросил я у него.

Водила оживился.

— Докинешь двадцатку — по городу прокачу, эх, прокачу! И дом тебе, и музей, всё, что душе угодно.

— Веничка трип... турнэ, — кивнул я француженкам.

Мы сели сзади. Я достал джин и прихлебнул, они смотрели на меня со смешанным чувством восхищения и брезгливости. Водитель газанул, и мы полетели. Петушки — это когда по одну сторону улицы одноэтажные домишки, а по другую — коттеджи, по одну — школа, по другую — склады. Скоро мы выехали на проспект, малоотличимый от любого провинциального проспекта. Я протянул француженкам бутылку, они испуганно отшатнулись. Только блондинка, похожая на мою бывшую, решительно схватила и отпила.

— Fraise! Fraise!

Моя бывшая вряд ли стала бы так делать, да и одним из камней преткновения стала моя любовь к спиртному. Так что это, слава богу, не она.

Подруженьки-француженки тоже что-то защебетали, схватили и — дурной пример заразителен — айда хлебать. Все, кроме тёмненькой.

Вскоре мы сошли с этого чудного бензинового корабля. Предательский рюкзак снова сорвался со спины и шмякнулся об асфальт. Привязал лямку морским узлом. Девочки о чем-то спорили. Тёмненькая тыкала пальцем в мою сторону и тянула: «клошар, клошар».

А блондинка, напротив:

— Poète, poète

Намечалась потасовка.

Пока обстановка накалялась, я заглянул в петушихинскую «Пятёрочку». Ассортимент тот же самый, что и в любой Пятёрочке мира: выпивка, колбаса, огурцы, зубные пасты и всё, что нужно, чтобы встретить счастливую старость. Затарив пива, зубровки, сока и сыра и уговорив себя ничего не тырить, я вышел.

Девочки уже успели потузиться, извалтузиться, извальяться в грязи. А теперь, встречая меня из магазина, смеялись и белозубо улыбались. Сейчас я обратил внимание на рыжую, поскольку она совсем не напоминала мне бывшую. Лицом она напоминала Грету Гарбо. Пусть рыжая, но Гарбо вылитая! Я уже понял, что до музея или дома Венички добраться нам не судьба. Как бы, водитель завёз нас в какие-то дебри, в народе именуемые «ебенями».

Сейчас я начал понимать, что они все кого-то напоминают. Темненькая — Карину или Варлей, светлая — бывшую, Денев, Пелтроу в одном флаконе. Я постарался сделать так, чтобы она мне напоминала актрис, а не бывшую, но её контур всё сильнее проступал в светленькой француженке. И я просто отвлёк глаза.

Попробовал переключиться на Веничку. И ты, Вена, вполне обладал актёрской фактурой. И прожил свой фильм в жанре «трагикомедия».

И я. И мы. Мы находимся внутри фильма. И проживаем его. Только что за жанр? Подозреваю, это может плохо кончиться — какой-нибудь резней или канны-бализмом. Мне не давал покоя Квазимодо. Я мог себе легко представить, как он рвет зубами мои жилы. Вена, он отгрыз кусок бутылки, и даже не поморщился. Он легко возьмет и откусит палец, вцепиться в щеку, как в фильмах Фульчи.

Мы шли по проулку, где росли яблони, а еще черноплодная рябина. Я остановился и девушки тоже притормозили. Не успели мы насладиться пасторальной идиллией, как за спиной раздались неверные шаркающие шаги и зловонное хрипение. Квазимодо!

Я знал, что нужно делать. Со мной были мои вещи из прошлой жизни, я их специально прихватил, чтобы устроить ритуал очищения. Ничего не объяснив девушкам, схватил их за руки, и потащил к берегу реки Клязьмы. Попутно успевали еще что-то пить.

От них исходили флюиды возбуждения, замешательства и откровенного страха. И, кажется, я мог расслышать их мысли, хотя нет, это были не мысли, а какие-то сплошные французские междометия. И всё же что-то проступало через шуршание, жаль, что я не мог это перевести. А я уже на секунду-было уверовал, что смогу прочитать их самые сокровенные мысли.

Чудище шагало явно быстрее нас! Наконец, от меня с воплем оторвалась одна француженка, за ней другая, за другой — та, что напоминала бывшую, и вот они уже растворились в как-то внезапно наступившей полутьме.

— Эй, ну куда же вы! А как же шершеля фам? Как же беллемондо?

Из темноты до меня доносились французские вопли, и, как чудилось мне, — хруст чего-то пережевываемого. Он сожрёт их точно так же, как сожрал стеклянную бутылку. Или пересохшую французскую булку. Луна отражалась в Клязьме. Я вывалил из рюкзака все свои пожитки — штаны, бумаги, модную футболку, облил их бензином, поджог спичку... Последнее, что я видел — скукоживающуюся в огне физиономию лжеуорхола. С той самой футболки, что мы купили вместе с бывшей!..

А дальше провал. Я очнулся на трубах теплотрассы. Стояла глубокая, как мне показалось, ночь. Но боже! Я ни за что не останусь больше здесь ни минуты. Глянул на часы — я ещё успеваю на последнюю электричку по рейсу «Петушки — Москва»

Очищение. Я всё это сделал. Жутковато было возвращаться обратно, потому что всю дорогу до вокзала я был уверен, что разговариваю с кем-то, с кем-то увлечённо дискутирую о чём-то — то ли о боге, то ли о француженках. Уверен, что болтал с духом неупокоившегося Венички. Лишь три станции спустя, после двадцатого глотка пива, я понял, что, наконец, остался один. Все остались где-то позади: бывшая, бомж, француженки.

Перемена участи

Вернулся в квартиру Таира на Речной вокзал я изрядно потрёпанный в первом часу ночи. Как я добрёл — бог весть. Ноги натёрлись так, что каждый шаг вызывал боль, ржавчина на новой рубашке и кровь на джинсах наталкивали на вопрос, в чём я пойду в понедельник на работу. Провалился в спасительный сон.

Мне приснился бомж с бельмом. От него по-прежнему воняло, но язык чудесным образом восстановился.

— Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть, — шипел он потусторонне, и он эхом разносился по пространству сна.

— Что мне нужно претерпеть? — спросил я в недоумении.

— Посвящение.

Он приближался ко мне всё ближе и ближе, мне стало тяжело дышать, мне стало нечем дышать. Уровень кислорода приближался не знаю к какой там отметке, но грудь давило, от чего становилось страшно. Вонь. Ужасная вонь.

— Дед, тебе бы помыться!

— Помыться? Помыться? Помыться? Сейчас, сейчас, сейчас...

Каждое сказанное им слово наслаивалось на предыдущее, как эхо, скоро всё это превратилось в звуковую кашу. Бомж достал из недр лохмотьев бутылку, из которой стал поливать какой-то жидкостью, скоро я догадался, что это бензин. Он лил и лил, было очень странно, что в такой маленькой бутылочке столько бензина. Все лохмотья пропитались насквозь, бензин перебил вонь немытого гниющего тела, под ногами бомжа скопилась лужа, образовался ручеек, и потёк ко мне. Он промочил мои кроссовки, раны защищали, я начал отступать, но позади оказалась стена, оказалось, что я зажат в угол. Впереди — бомж, позади — стена. Затем он достал спички.

— Не-ет, не надо, не делай этого!

Он чиркнул о коробок, спичка не загорелась

— Нет!!! Не делай этого! Не делай, прошу!

Я чувствовал, как бензин поднимается по ногам, как он пропитывает поры, как он поднимается по щиколотке, по животу, подступает к горлу, капает со лба...

Чирк, чирк, чирк. Фух! Вспышка!!!

Бомж вспыхнул и засмеялся. Вспыхнули волосы, лохмотья, закапал человеческий жир, ужасно засмердело, поднялась черная копоть, стало нестерпимо жарко, этот стрёмный смех, этот отвратительный смех, этот жар... Из огня проступали силуэты француженок, лжеурхол с моей сожженной на берегу Клязьмы футболки, Веничка.

Проснулся весь мокрый. Я обнаружил несколько пропущенных звонков из студии «Белый свет». Бросился им перезванивать, наконец, дозвонился. Оказалось, из-за вчерашней моей недоступности я в пролёте, и теперь остаётся лишь ждать следующего звонка, который будет неизвестно, когда. Я рвал волосы на себе. Из-за чертового ритуала я лишился нормальной работы, возможности вырваться из этого всего. «Белый свет» мне пока не светил.

Будто бы этого было мало, Таир огорошил, сообщив, что завтра улетает на три недели, а значит, я не смогу у него ночевать. Его домочадцам, видите ли, некомфортно находиться в одном пространстве с незнакомцем.

Я проснулся окончательно. Таир собирал чемодан.

— Подъём, боэц. У меня самолёт через два часа.

— Ты куда улетаешь-то?

— В сериале буду сниматься, про орду. В Крым летим, прикинь.

— Что ж ты раньше не сказал?

— Столько с ролями не везло, да и суверен я, брат. Вчера, ты как раз уехал куда-то, с режиссёром одним встретились, у них прикинь все уже роли были распределены, а на роль военачальника Ногая — никого, ну всё неподходящие типажи, все какие-то... не богатыри, а-ха-ха-ха-ха, а я каждое утро — штангу, водой холодной обливаюсь, как пить бросил — силы появились, а пил я будь здоров, брат, поджелудочную посадил нафиг. Я вчера полдня сценарий читал, очень нравится, они говорят — мне предстоит на лошадях ездить. Я верхом когда-то ездил — вспомню... Ногай — глыбища. И платить будут хорошо.

— Рад за тебя.

— А ты как? Что?

— Буду жильё искать, всё зашибись.

— О'кей-хоккей. Ты ночью что-то кричал, мне пришлось даже тебя толкнуть, но я только раза с пятого дотолкался, но у тебя глаза были стеклянные, ты смотрел куда-то... в бездну, напугал меня.

— перевозбудился.

— А, ясно.

Я вышел на улицу. Зелень и солнце сбили наваждение и досаду от сложившихся обстоятельств. В конце концов, не вечно же злоупотреблять гостеприимством актёра. Одно я понимал точно — за один день я вряд ли что-то приличное сниму, к тому же, требовалась предоплата. Да, честно говоря, на месячную оплату у меня пока не было денег. Даже если тронуть кредитную карту, точнее остатки, что лежали на ней.

Я сел в скверике напротив кинотеатра «Иллюзион», отхлебнул кофе, расчехлил ноутбук. Вбил в поисковик «хостелы москва», и сразу выскочила сотня предложений. Я ориентировался на цены и на фото. Некоторые ночлежки выглядели так, что я там даже бесплатно жить не стал. Какие-то сомнительные лавки и простыни вместо занавесок, кафель на стене, как будто из морга. Некоторые наоборот — смотрелись очень круто, ну и стоили соответственно. Наконец, моё внимание привлёк один хостел под названием «Gluggavedur». Сначала — название, потом — цены, фоточки тоже оказались что надо. Такой скандинавский минимализм. Нет, право, очень недурно. Общий зал, по стенам — стойки для чтения книг, тут же полочка с книжками, кофемашина, ресепшн, аккуратные двери в номера, да и сами номера... Аккуратные двухъярусные нары, занавески с медвежатами и хорошим таким шрифтом набранные надписи: «Глюггаведур». Кухня простенькая, но не бомжацкая, а, да, телек в зале на стене висит. Вот корпоративная фотка персонала. Ничего. Приятные лица.

Что значит «Глюггаведур»? Дабы скорее удовлетворить любопытство, я вбил в поисковик: «Глюггаведур».

Вот что он мне выдал:

«У исландского понятия gluggavedur нет дословного перевода, но буквально оно означает „оконную погоду“, то есть умение получать удовольствие от непогоды».

Занятно, по крайней мере, этот самый Gluggavedur выделялся на общем фоне.

Через почту я забронировал одно койко-место в самом общем номере на десять персон. Чтобы идти наверх, нужно снова коснуться дна. В который уж раз.

Если уж начистоту, проживая свою жизнь, я неизменно проживал впитанные когда-то образы, явившиеся ко мне прямиком со страниц книг, с экрана телевизора, с экрана кинотеатров. Сначала моими героями были крутые парни из амери-

канских и гонконгских боевиков, затем в эпоху юношеских драм и рефлексий на их место заступил Веничка, бунтарь Эдичка, раздолбай Лебоуски, извечный Чинаски. И порой казалось, что за мою душу борются супергерои и пьянчуги. Одни твердят: борись, бейся, дай миру в табло, а другие: не стоит он, мир, твоих усилий, ну, расслабься, ты просто ещё один очередной неудачник. Я — сплетение этих всех противоречий, и поэтому, сделав шаг вперёд, потом откатываюсь назад. Но должно же это когда-то кончиться?

Gluggavedur

Весь день я, окрылённый чувством выполненного долга — я очистился, совершил пилигримский вояж, и даже умудрился вернуться из Петушков, сжег к чертовой матери всё, что связывало меня с прошлым. Возможно, начало положено?

Итак, воскресенье. Я пошлялся по городу, съел шаурму, выпил пива, купил бирюзовую футболку с надписью Surf, новые джинсы. Чёрт с ним. Будут сменные, а эти, с ржавчиной, попробую отстирать. На обуви в этот раз экономить не стал. Взял себе вэнс, мне нравится эта волна, наклепленная сбоку, это как намёк, что и в жизни моей накатывается новая волна, и пора бы её оседлать.

Ходил по городу, пялился на людей. Накрыло какое-то миролюбивое чувство. Когда стало темнеть, я спохватился, оказалось, что до станции «Дмитровской», на которой находился gluggavedur, ехать на метро сорок минут — в такие вот дебри я забрался...

Когда я вышел, то обнаружил, что телефон почти разрядился, пауэр бэнк тоже сдох. Нужно было скорее включить навигатор и найти гостеприимное гнёздышко. От метро до Gluggavedur было топать порядка пятнадцати минут, если следовать в точности указаниям навигатора.

Я перешёл проспект и двинул в сторону железнодорожных путей, затем, следуя указаниям, повернул направо, долго шёл по тёмному коридору, образованному из забора и деревьев, дошёл до какой-то богом забытой харчевни, и понял, что навигатор меня обманул, нагрел, ввёл в заблуждение. Несмотря на то, что пути были недалеко и значит, шум поездов тоже должен был быть, хорошо слышим, всё доходило очень глухо, я так и не понял, почему это было. Стало немного жутко, и я поспешно выбрался оттуда. Пошёл через пути, и оказался в месте, карикатурно, ну или точнее шаблонно напоминающем Нью-Йорк. Небоскрёбы, урбанистический антураж, маленькие магазины как на Бауэри стрит.

На углу каждого дома стояла статуя из кованого железа. Вот негр-саксофонист, вот художник, расписывающий холст, вот ковбой с револьвером на лошади, вот пианист, а вот мотоциклист. Я даже забыл про хостел, пока бродил по кварталу. Но скоро пошёл дождь, и мне пришлось поторопиться. Хостел находился в промзоне, причём он был не один. Проходя мимо неоновой вывески хостела «Мечта», я обратил внимание на ссорящуюся парочку. Причём, на девушке был накинут плащ, а под ним ничего не было. А парень, как какой-нибудь Марлон Брандо, невозмутимо смолит сигарету и время от времени бросал циничные реплики.

— Ты достал!

— Так за чем же дело встало? Ступай, детка

— Никогда не можешь поговорить по-человечески. Скотина, козёл, гондон, гад, сволочь. Гондон! Гондон! Гондон!

Затем она бросилась его бить, но делала это очень по-женски — лупила кулаками и ладонями, беспорядочно, но убедительно, он же продолжал отыгрывать свою роль невозмутимого, закулив ещё одну сигарету. Потом она выбила у него изо рта сигарету. Сигарета упала в лужу. Пшикнула, и затухла.

Я вспомнил, как мы собачились с бывшей. Ох, через месяц-два после романтического периода всё началось. Сначала мелкие предьявы, потом бытовые придирки. Она зависала на правильном питании, высчитывала калораж как маньячка.

«Это было прекрасное раннее утро. Я встал вместе с утренними птичками. Бывшая ещё спала, от нее веяло сном в душистом эдемском саду. Я аккуратно встал, чтобы

не разбудить любимое создание. Пошел варить овсянку, готовить кофе, нарезать сухофрукты, накладывать йогурт.

Всё сварилось, было разложено по тарелкам, расставлено. Бывшая вышла из покоев, добрела до ванны, умылась, вернулась. А когда посмотрела на завтрак, строго, как училка спросила:

А сколько грамм каши ты мне отмерял?

Блять, я совсем забыл, что Беатрис все меряет в граммах.

Она оценила на глаз стряпню. Видимо, утро было испорчено, так недоволен был ее взгляд. Ты положил мне больше, чем я ем.

И начала выскребывать и плюхать кашу обратно в кастрюлю, с таким видом, будто это дерьмо. Затем механически села за стол, не дожидая меня, и начала молча поглощать пищу. Лучи зимнего погожего дня пробивались в окно, но настроение уже не задалось.

Ты слишком чувствительный, — упрекнула меня бывшая».

Впоследствии я стал «гондоном», «свиньёй», «пьянчугой», «бездарью».

Так что сцена возле хостела «Мечта» не оставила меня равнодушным.

На подходе к gluggavedur располагался гриль-бар, и сегодня там было полно народу. Стояло два байка, у входа курили девушки и парни, играла громкая музыка. Атмосфера краснодарского края.

Gluggavedur находился на углу одного из промышленных зданий — обычно в таких располагаются склады, теперь здесь селят людей. Стоящая у входа публика напоминала обычный общажный контингент: студенты, студентки, какие-то мужики, пиво, сигаретный дым. На стуле сидел осоловелый парень с «Балтикой Девяткой», справа от него стояла урна, доверху набитая бутылками и банками из-под пива.

Я вошёл внутрь. Уперся в дверь с надписью Gluggavedur, рядом с которой синей ручкой кто-то нацарапал член с яйцами.

Я нажал на звонок, который запиликал птичками. Пришлось повторить эту манипуляцию несколько раз, прежде чем мне открыли. Открылась дверь, и я сразу попал в коридор, заставленный ботинками, кроссовками, кедами, сланцами и прочей обувью. Тут же валялся скейт и стоял велосипед. Из двери слева выскочила девушка в халате, накинутом на голое тело, не полностью, но было видно грудь, и прошла мимо меня, как ни в чём не бывало, скрывшись в ближайшей двери.

Герои видеосалонов

Я прошёл в общий зал. Из-за стойки выбежал чел — один в один — любимый актер детства из «Разборок в Бронксе». Ну просто копия. Герой смешных боевиков. Сначала я решил, что перегрелся, утомился, спятил, бродя по тёмным улицам. Потом уж понял, что воображение наложило маску на восточную внешность.

— Эй, брат, в обуви нельзя.

— Мне не во что переобуться.

— Возьми любые тапки.

Я переобулся в стоптанные сланцы и снова вошёл в зал. Посреди зала стоял диван, на котором вальяжно восседал один в один сибарит Лебоуски из известной работы братьев Коган, а рядом с ним пухлощёкий грузин из какой-нибудь новой молодёжной версии «Мимино». Герои видеосалонов. Лебоуски пил из бутылки, завернутой в бумажный пакет. Я подошёл к стойке.

— Я бронировал у вас койко-место.

— Так, сейчас, — зарылся в бумажки Герой боевиков, — Поляков Никита Юрьевич?

— Да, верно.

— Вы на одну ночь?

— А сколько будет стоить забронировать сразу на неделю?

— Будет скидка десять процентов.

Мне здесь нравилось, так что временно брошу якорь. Героя боевиков звали Алмаз, Лебоуски — Саша, пухлощёкого грузина — Ваню.

Я плюхнулся на диван, достал из рюкзака бутылку пива, которую обернул в пакет от «Пятёрочки». По телеку шёл очередной дешёвый русский сериал разлива нулевых. Что-то там про ментов, про спецназ. Постепенно я начал расслабляться. Потом я заметил за стойкой возле стены парня, который что-то сосредоточенно печатал на компе. Он ни на кого не обращал внимания и показался мне заносчивым, но, как потом оказалось, я ошибался. Первое правило хостела — ты имеешь право ни с кем кроме администрации не общаться, и никто не вправе тебе навязывать своё общество. Но так я по-дурацки устроен, что первую ночь социализации был общительным, несмотря на то, что надо было идти спать. Набирать силы перед трудовым днём.

До двух часов мы играли в дурака на кухне с Алмазом, Лебоуски и Ваню. Алмаз и Ваню пили Колу, мы с Лебоуски — пиво. В кухню изредка заглядывали полусонные постояльцы. Кто-то лез в холодильник, дабы чего-нибудь схомячить, кто-то навёл себе чай.

Потом к нам заглянула невысокая симпатичная блондинка в футболке, под которой не было лифчика. Нет, она не напоминала бывшую.

— Пацаны, можете потише?

Потом она посмотрела пристально, изучающим взглядом, на меня. Мне даже показалось, что недовольным. Видок у меня был что надо: давно нестриженные лохмы, да ещё и торчком стояли, красные от линз глаза, бомжацкий видок, явно предназначенный для флирта.

Алмаз завидовал кудрям Лебоуски.

— Сань, а если я себе такие же отращу... хотя вон как они у тебя висят, а у меня, блин, будут торчком.

— Тебе надо как у Хэндрикса, — отхлебнул пивка Лебоуски.

- А кто это, а?
- Гитарист, он гитару поджигал, а ещё мог хреном на ней играть.
- Воу, круто, ну стоящим, да?
- Чего стоящим?
- Ну, хреном.
- Блин, само собой, чувак. Как ты баррэ зажмёшь вялым?
- Ну да.

В кухню снова заглянула блондинка и прошипела:

— Пацаны, ну вы чо, не русские, в самом деле? Я же просила на чистом русском языке.

Болтуны быстро сбавили свои громкоговорители до минимума.

Доигрывали в условной тишине. Я два раза проиграл и начал расстраиваться, моя паранойя начала мне навязчиво говорить, что они специально сговорились, чтобы приколоться над новичком. Но потом я отыгрался, а в дураках остался Вано. Этого парня трудно было чем-то задеть. Болтал он, не останавливаясь. Какой-то болтливый Джей из «Клерков». Когда он продул в третий раз, а двухлитровая баклажка с колой была пуста, он отклонялся.

— Моя смена, йоу, отдыхайте, отдыхай, Алмаз.

— Давай, брат.

Воспользовавшись случаем, я тоже пошёл примерить койку к своей тушке. У меня был второй ярус. На первой храпел какой-то мужик. В целом комната на десять тел была полупустой. Я лёг на чистое белье и почувствовал кайф. Можно было пялиться в окошко. Правда, ничего интересного там не было. Промзона. Видимо, неподалёку от нас было кафе, оттуда тянуло пиццей. Я быстро провалился в сон.

Постояльцы

Один из очевидных плюсов, он же минус, хостела — интенсивность общения. Социальный опыт. С соседями по лестничной клетке ты можешь годами не общаться, вы можете даже не здороваться, не знать, чем каждый из вас живёт. За стеной может разыгрываться драма, а то и трагедия, но судить об этом ты можешь только по косвенным источникам вроде шума, стука, криков, если со звукоизоляцией не повезло. За стеной могут кого-нибудь убивать, а ты будешь готовить пельмени, слушать свой музончик, и вообще быть не при делах.

Но в хостеле ты, хочешь того или нет, за пару дней перезнакомишься с кучей людей и хоть какое-то представление о них получишь. К тому же это полный интерактив. Ты приходишь туда и невольно приносишь свои порядки, настроение, ауру. Путешественники, особенно европейцы, лепят из хостела — хостел в классическом понимании.

Это чемоданное настроение, кофе в бумажных стаканчиках, вай-фай, неприждённая болтовня, тусовка, хохот, межкультурный обмен. А еще хостел — это конструктор. Если ты работяга, то ты сделаешь из хостела барак. Тяжёлый запах нестиранных носков, сон перед непростым трудовым днём, обсуждение с товарищами по работе всяческих аспектов вашей каторги, нехитрое варево, колбаса, привычная суeta.

Если ты солдафон до мозга костей, то ты сделаешь из хостела казарму (до тех границ, до которых тебе позволят дойти). Если ты маргинал, то очень скоро привнесёшь туда нотку притона. Балтика девятка, дешёвая дрянь, тупые разговоры, напряги для окружающих. Будешь обоссываться по ночам и получать втык от администраторов.

Десятки, сотни типов человеческих мироустройств — такого больше нигде не увидишь. Если ты, наконец, болеешь, хостел превращается в лазарет. Одни живут здесь сутки-двое, другие — месяцами.

Молчаливого парня у стойки за компом, который мне показался заносчивым, звали Дима. Внешне он напоминал британского актёра Иэна Келли, известного отечественному зрителю по фильму Балабанова «Война». Только Дима не был таким мудаком. На следующий день Дима угостил меня чаем, и мы разговорились. Узнав, что я учился писать сценарии, он обрадовался и попросил по вечерам помогать ему работать с разными текстами. Я был не против. Он неплохо знал английский, чему свидетельство — его оживлённое общение с британками, которые на неделю вписались в хостел. Мне было стыдно за свой разговорный инглиш, и я больше молчал. Зато Дима молотил за двоих.

Другие постояльцы, Сергей и Соня, жили тут давно. Они умудрились привнести в это перевалочное место нотки семейного уюта. В зале стоял их шкафчик со всякой всячиной — бельём, одеждой, сониной косметикой и прочими расческами, и фенами. Даже деньги они хранили в шкафчике, о чём не скрывали. Им в районе сорока — Соня чуть помладше, лет тридцать пять — тридцать семь, Сергею — за сорокет. Невысокий, жилистый сухощавый, короткостриженный общительный парень, воевал в Первую Чеченскую снайпером. Соня — высокая, рыжая (Сергей её так и называл «Рыжая»), вечно улыбчивая, её улыбка была способна уладить любой конфликт. Если конфликт не решался, то кулаки Сергея были кстати. Но Сергей любил выпить, и если перебарщивал с дозировкой, били уже его, а он представлял собой безвольную человеческую массу.

Соня жила в женской комнате, Сергей — в мужской. Любовью они занимались, когда какая-либо из комнат пустовала. Обычно такое случалось днём. Не то, чтобы я за ними шпионил, но в хостеле хранить секреты проблематично, да и Сергей обычно оживлёнными жестами, хлопками ладони по кулаку, рассказывал разные истории, как они однажды собрались сделать «это» (хлоп-хлоп), как тут пришёл... (хлоп-хлоп).

Ещё один из старожилов-постояльцев — араб Джавад. Его можно назвать «неправильным мусульманином». Тяжелой ауры человек, мог присесть кому угодно на уши, стоило лишь оказаться на кухне. По вечерам он сидел, и — банку за банкой — поглощал крепкое пиво. «Балтика 9», «Толстяк Крепкое», «Белый Медведь Крепкое», «Bear beer» — всё по душе Джаваду, лишь бы с ног валило.

Дамам он делал недвусмысленные намёки, а с мужиками любил поговорить о дамах — с кем, как и в какой позе кого лучше пользоваться. Его беспокоило отсутствие личного пространства. «Абат этот хостэл, ну жэнщину не приведёшь, да? Гдэ мне с ней, а? В душ пойти? Но я же нэ собака, чтобы за углами сношаться. Я люблю на кровати. А где здэсь кровать? Тьфу! Адын пазор. Говно. Нэт, сниму себе комнату. Хочешь, брат, с тобой снимем, а? Ты — одын комната, я — другой, будэм водыть и абат».

Джаваду много раз делали замечание за нарушение режима, он на время утихомиривался, а после продолжал свою песню. Особенно его не любила Блондинка (которая ночью нам делала замечание), её, кстати, звали Оксана.

У двадцатипятилетней Оксаны за плечами неудачный брак, выкидыш, жёсткие побои от мужа, распатанная психика и при этом в смелости ей не откажешь. Джавада посылала только так. В своей Самаре она работала в салоне красоты, и сейчас искала работу в этой же сфере. Очень ей хотелось свинтить с хостела. Когда я подровнял свои лохмы, я же изначально был безобразно волосат, и эти волосы все спутались, придав мне вид бродяги, она меня сначала меня не узнала, а потом прониклась симпатией. «Как тебя? — Никита? Боже, ну совсем другое дело, а то ходил как черте-что. Ну, совсем другое дело, вот теперь видный парень. Никита, пойдём покурим». Несколько дней Оксана ещё повторяла это *«Ну, совсем другое дело»*.

Чайный Коля — отдельный кадр. Таких даже в дурке днём с огнём не сыщешь. Мордатый, пузатый, рыжий, очки с толстой оправой, через которые на тебя смотрел вечно изучающий взгляд, что считывает твои астральные дела. Я-было подумал, что он программист и что ему лет сорок. Оказалось, что ему двадцать один год, работает консультантом в банке, в офисе, неподалёку от моей редакции «Кайфа».

Вот как мы впервые пересеклись в одно из утр. Он сидел на кухне и усиленно поглощал всякую вредную пищу типа заварной лапши, пюре и сосисок с кетчупом. Когда я вторгся на кухню, он выглядел недовольным, будто я посягнул на его личное пространство. Я рассмеялся, когда узнал, что он пьёт правильные чай, всякие там пуэры, да и вообще за чистоту тела и духа.

Собственно, «Чайным» его прозвали за увлечение чаями (спустя некоторое время полхостела, в том числе и ваш покорный слуга Никита, подсядет на эти чаи). Синяя орхидея, многочисленные пуэры, тигуанинь, дахуньпао... Трек «Чайный пьяница» стал для нас на долгое время гимном. Койка Чайного Коли соседствовала с моей. Вечером он доставал свой заветный термосок, озираясь наливал себе чашечку заварки, дезодорируя запахом копчёной травы (или сушёных носков) комнату, и торжественно выпивал, затем садился в позу лотоса и пару часов смотрел в одну точку.

Иногда он поворачивался ко мне: «А тебя я чаю не дам, — затем добавлял: «Самому мало». Иногда раздавались реплики возмущённых работяг: «Бля, кто опять

носки не постирал?!». Коля постоянно пребывал в каком-то умиротворённом состоянии, выглядывал на этот странный суетный мир из своей раковины, понимал, что тут какая-то чушь, и лез обратно. Коля имел зрелую любовницу, она его кормила, спонсировала, он мог на неделю пропасть у неё, потом вернуться. Увлечение чаем не мешало Коле заправляться по вечерам крепким пивом. Лишь бы с ног валило.

Работа и финансовая помощь любовницы не мешали пару раз кинуть хостел на бабки. Один раз Коля не заплатил за месяц, в другой — за неделю. Но ему всё прощали. Другого бы давно отмудохали, выкинули бы из ночлежки, вызвали бы вневедомственную охрану, но Коля своим спокойствием будто бы заражал всех.

Кто там ещё? Маша по прозвищу «Всесоюзная Мать» ходила всегда в тёмном и производила впечатление потрёпанной шлюхи. За что её прозвали Всесоюзной Мамкой? Так она всех парней подкармливала своими отбивными, макаронками, салатиками и борщами. Очень милая девушка. По ночам она куда-то таинственно пропадала, на всякие сальные шутки по поводу её заработка отвечала спокойно: «Мне не до этих глупостей». Потом она мне сказала, что устроилась в какую-то охранную фирму.

Пугливый Китаец. На самом деле, это никакой не китаец, а казах. В его взгляде навечно поселилась затравленность, неудовлетворённая потребность в человеческом тепле. Он будто бы говорил: «Выслушай меня, брат, ну пожалуйста, ну выслушай меня, ну чего тебе стоит». Он по ночам засиживался либо в общей комнате, смотря всё подряд, что выдавал телек, либо на кухне, где сосредоточенно жевал свою еду и пил растворимый кофе, а иногда — джин с тоником. «Джин с Толиком» — так мы называли этот напиток. Если на кухне собиралась шумная компания, он не стремился, а сидел в уголке, слушал, молчал. Однажды, когда мы были одни на кухне, он разразился монологом.

По всей видимости, долго копил. Он курьерил, но ужасно не любил свою работу. «Я хотел заниматься творчеством, — произнёс он, глядя на то, что я что-то там рисую в блокноте». Я кивнул.

И тут его понесло.

«Я хотел что-нибудь рисовать, писать, но для этого же что-то такое нужно. Это же, я не знаю, времени нет».

Боже! У него своя мечта, как у меня — киностудия «Белый Свет». То, что он говорил дальше, гудело где-то на периферии:

«А однажды я шёл по Москве, ну это была безлюдная улица, и я почувствовал, что кто-то идёт за мной, я обернулся, на меня шёл какой-то парень и он достал нож. Тогда я побежал, очень быстро бежал. Очень-очень быстро, брат, бежал, я убежал, я очень испугался, я пытался об этом написать, но у меня ничего не получилось. Я вот могу тебе наговорить словами, написать буквами не могу, а я бы хотел. Или музыкой заниматься. Вчера по телевизору смотрел — поют они прямо здорово, но не всех же в телевизор пускают. Я может в Москву приехал потому что хотел творчеством заниматься, а тут развожу еду эту...».

Ещё Пугливый Китаец с опасением и интересом относился к теме <...> увеселения и самооглупления. В Gluggavedur было нормальным делом пыхнуть между делом на улице или в туалете. Да там и черте что творили периодически.

Вообще тема лёгких <...> там столь же будничная, как чай. Однажды мы с администратором и Димой пошли курить шишки, а Китаец всё понял. Он смотрел на нас как смотрит неопытный заговорщик на своих искушенных собратьев, рискуя запороть всё дело. Ещё его взгляд можно было сравнить со взглядом девственника, который у старшего опытного брата просит рассказать про тайны соития. И, как и

любой человек не в теме, он думал, что нас после <...> должны одолевать разного рода видения. Помню, как-то вернулся на кухню весь в дымах.

— Ну что? Что ты видишь?

— Тебя.

— Джинов видишь, да? А ещё? Ай, не хочешь говорить, небось всякое видишь, да? Ха-ха-ха, брат, я бы тоже попробовал, но боюсь.

Как-то у Пугливого Китайца сломался телефон, и он попросил мой на 15 минут, но после 45 минут я ему вежливо намекнул, что пятнадцать минут прошли уже три раза, как.

Так совпало, что на следующий день Китаец пропал. Вместе с ним пропали новые кроссовки постояльца Виталика-бизнесмена.

К тому же Китаец не заплатил за две недели проживания. Тут надо уточнить, предвосхитив вопрос читателя, как можно не заплатить, если плата производится вперёд? А очень просто. Хостел Gluggavedur — богоугодное заведение, и, если в твоей жизни наступил сложный финансовый период, тебя могли пустить в долг и беспроцентно. Многие этим нещадно пользовались. Безбожно пользовались. Вот и Китаец. После его исчезновения ещё в течение двух недель на мой телефон поступали странные звонки. На том конце то какие-то мужики, то какие-то девушки угрожали и требовали вернуть некую сумку.

— Верни сумку, сука, верни, узкоглазое чмо, по-хорошему верни, гондон штопаный.

Виталик-бизнесмен жил в самом комфортабельном и маломестном номере. Такой долговязый, с интеллигентными чертами лица. Любил хорошее кино и музыку. Показывал фотографию, на которой была симпатичная взрослая женщина и трое детей. Он из Казани. Что касается путей-дорожек, которые привели его в Gluggavedur — неудачи по бизнесу и необходимость московской подёнки, часть которого шла на покрытие долгов. Как я понял, его долги исчислялись сотнями тысяч рублей, а то и миллионов. У него был успешный бизнес на родине, благодаря чему он спокойно завёл семью. Но грянул кризис, и всё понеслось к чертям. Мы как-то сидели с Виталиком и пили Guinness в местной пивнушке, нас ещё обслуживала девушка в футболке Nirvana, и он поделился такой истиной.

— Знаешь, Никита, а ведь самые злые кредиторы — те, кому ты торчишь небольшую сумму. Те, кому ты должен много, они, как правило говорят: «Отдашь, когда сможешь». Вот такой вот парадокс. А эти, они как шавки, как моськи, только и норовят укусить. Эх, надеюсь, я всё-таки выберусь из этой жопы.

Я его похлопал по плечу.

— Выберешься, брат, выберешься.

Виталик улыбнулся, но как-то без энтузиазма.

— Ладно, давай лучше пиво пить.

В кабаке играл Sting — Fields of gold. То, что надо под пшеничное пиво.

Ты будешь вспоминать меня, когда западный ветер

Будет носиться по ячменным полям...

На этом моменте уже меня пробило на откровения.

— Знаешь, Виталь, все равно мы назавтра этот разговор забудем.

— А?

— Я сам в какой-то жопе, честно говоря.

— А у тебя-то чего? Творческая личность, никаких обязательств...

— Знаешь, да, бля, короче, я многим пожертвовал, точнее,

если по чесноку, от многого бежал. Были отношения, всякие отношения. Вот последняя бывшая, она до сих пор живёт в моём сознании. Но не об этом я хотел сказать. Я типа сделал ставку на этот «Белый свет», киностудия такая. Но они меня морозят, живу в итоге в хостеле, как бомж. Пишу всякую херню, чтобы что, чтобы, Виталь, что?

Виталик, мстительно улыбаясь, похлопал меня по плечу.

— Выберешься, брат, выберешься.

Мы засмеялись, поняв друг друга и, взяв еще по пинте пива, погрузились дожидать вечер.

За какую-то неделю хостел стал восприниматься как дом родной. Дом, в котором живёт куча родственников. Будто, знаете, все колена из всех деревень и городов — все седьмые воды на киселе съехались.

Когда я приходил вечером, в зале Сергей и Соня неизменно устраивали домашние просмотры со скатертью-самобранкой. На столик перед диваном выкладывались чипсы, пиво, арбуз, шоколадки, чай, орешки, пельмени, семечки и прочие лакомства. К семейным просмотрам присоединялись все желающие. Сергей охотно всех потчевал. Обычно он ставил с флешки разные фильмы — в основном боевики и шпионские драмы 90-х и нулевых. Он же пускал скупую ностальгическую слезу: «Эх, я же ещё на видеокассете этот фильм смотрел». Заканчивался один фильм и начинался другой, заканчивался другой и начинался третий.

Алмаз в это время был уже весёлый, потому что успевал покурить, так сказать. Это у него обычная практика. Тот, кто был богат на увеселения, обычно не курил один, он всегда приглашал компаньона. Существовал такой негласный принцип — если пацан составил тебе компанию, и не разочаровал как дымовой визави, то с ним можно употребить что-нибудь этакое-разтакое. По вечерам большинство постояльцев были, так сказать, заряжены.

Вновь приходящий постоялец, оказываясь в зале и наблюдая всю эту идиллию, сначала недоумевал, потом оформлялся, некоторое время наблюдал, затем робко присоединялся, и вот уже через пару часов он становился частью семьи. Вахтовые работяги обычно держались особняком — друг с другом пили, друг с другом тёрли за работу, ели свои Дошираки, но и не мешали. Был ещё Тестостероновая Жаба, это я его так за глаза прозвал. От него пасло напрямом за километр. Кажется, только Дима находил с ним общий язык, потому что Дима — сама дипломатия.

Тестостероновая Жаба — невысокого роста перекаченный мужик, напоминающий лягушку из древней приставочной игры Battletoads. Большой любитель часами посидеть на общей кухне и повтыкать в какое-нибудь кино со смартфона. В общих просмотрах он не участвовал, только недовольно косился. Ходил нарочито медленно, будто натёр яйца. Несмотря на свои физические данные, он был наделён кучей комплексов, один из которых — комплекс по поводу своего роста. Он мог сказать худощавому Диме: *«Ну, ты-то парень высокий, а ко мне любой может прикопаться, если я в куртке. Вот если я не в куртке, тогда другое дело. Иду летом, и все видят, какой я сильный, но по осени и зиме каждый норовит обидеть. Сделал я одному замечание в аптеке, дюже громко он по мобиле базарил, так он меня нахер послал. Ну я что, я не дурак по морде бить — за это и сесть можно. Я ему в печень зарядил и сделал внушение, что с людьми вежливым надо быть»*.

Жаба любил погундеть по поводу чужой стряпни: *«Опять своим супом навалили. Ё-моё, ну что за люди, гречка подгорела, а ему хоть в глаза насысы. А мне сидеть тут, нюхать»*. Ещё один человек, с которым ладил Жаба — Виталик-бизнесмен. Они жили в одной комнате — самой дорогой, на самое малое количество мест. Виталика

он терпел, но стоило заселиться кому-то новому, он демонстративно открывал дверь и на весь зал орал: «Заселился жирный дятел, вонючка, дышать нечем, уёбище, носками всё провонял, как теперь спать». Как-то Жаба пропал на месяц, и стало потише. Это было ещё начало осени, ещё хостел производил впечатление приличного места.

Бомжи

В холле хостела часто тусовался бомж в рваной футболке с надписью «EAT SLEEP RAVE REPEAT». Он там подрабатывал дворником. Постоянно что-то вещал. Вещал, прихлёбывая чай и притоптывая ногой, обутой в сланец. Голос, да и лицо, выдавали в нём долгий роман с алкоголем. Однако по его словам он не пил уже лет пятнадцать.

— В 90-х было весело, деньги валялись прямо на улице. Бери — не хочу. И бандитов было много... А крысы! Вы таких крыс в жизни не видели, это какие-то кабаны, а не крысы. Такую из пистолета не с первого раза убьёшь.

Бомжа звали Никитич. В девяностых у него был бизнес. Клуб. Сначала всё шло отлично — море денег, тусовки, женщины, нездоровые и разнообразные увеселения. Но потом, кажется, это был дефолт, он вдребезги прогорел, пришлось продать квартиру, бизнес тоже ушел за копейки. Так Никитич оказался на улице. Ну, в его случае, это не совсем на улице. Вчерашние связи позволяли тусовать по другим клубам, ночевать в элитных квартирах, но своего угла у Никитича больше не было. Потихоньку он вошёл во вкус — уличная жизнь имела свои плюсы. Денег можно настрелять больше, чем зарабатывает в среднем учитель или работяга, каждый день халявная жратва и бухло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.